

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ,
ТРЕВОЖНОСТЬ И ЧУВСТВО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
У РУССКИХ И ТАТАРСКИХ СТУДЕНТОВ***Б.С. Алишев, М.В. Габдулхакова***Аннотация**

В статье приводятся и анализируются данные о выраженности таких психологических параметров, как толерантность к неопределённости, базовая тревожность (беспокойство) и чувство психологической безопасности (принятия Мира), в этнокультурных группах русских и татар. Особое внимание уделяется взаимосвязям между указанными параметрами и мотивацией к успеху. В частности, отмечено отсутствие связей между толерантностью к неопределённости, тревожностью и чувством психологической безопасности во всех этнокультурных группах студентов. Кроме того, выявлено, что в группе представителей татарской национальности показатель тревожности выше, чем в других группах.

Ключевые слова: неопределённость, толерантность/интолерантность к неопределённости, тревожность, принятие Мира (чувство психологической безопасности), мотивация успеха, студенты, этнокультурные группы.

Введение

Человек, как и другие живые существа, живёт в условиях непрерывно возникающей, преодолеваемой и вновь возникающей неопределённости, что в первую очередь связано с наличием фундаментального фактора времени и вытекающей отсюда неизвестностью будущего. Мы не можем в полной мере контролировать природные и социальные условия нашей жизни, не можем обладать исчерпывающей информацией о происходящем даже в текущий момент времени. Наше собственное поведение, его влияние на окружающую среду, других людей и самих себя также не подвластно полному контролю и прогнозированию. Если говорить о науке, то и здесь мы сталкиваемся с неопределённостью – многозначностью теоретических конструктов и методических приёмов. В результате этого на некотором этапе развития науки на смену классической идее жёсткой детерминации всего и вся приходит принцип неопределённости с его идеей естественной спонтанности.

Напомним, что принцип неопределённости был сформулирован В. Гейзенбергом ещё в 1927 г. В его наиболее широкой интерпретации (так называемая

Копенгагенская интерпретация) неопределённость трактуется не как гносеологическая, а как онтологическая категория. Иными словами, неопределённость не связана с ограниченными возможностями человеческого познания, она существует как реальное свойство окружающего нас Мира. Развивая эти идеи в квантовой теории неустойчивых динамических систем, И.Р. Пригожин специально отметил: «Вероятность – более не состояние нашего разума, обусловленное нашим незнанием, а есть результат законов природы» [1, с. 118].

Теоретические положения

В психологии, как справедливо отмечает В.П. Зинченко [2, с. 3], проблема неопределённости в течение долгого времени рассматривалась как некоего рода помеха на пути к достижению объективного знания. Иначе говоря, предполагалось, во-первых, что научный прогресс будет постепенно снижать меру неопределённости в целом и, во-вторых, что наличие неопределённости в конкретной ситуации перед конкретным человеком связано только с неполнотой информации, которой он владеет. Считалось, что если будут известны и доступны измерению все причины и факторы, способные повлиять на выбор действия тем или иным человеком в данный момент времени, то это действие может быть заранее предсказано. В отечественной психологии такой подход нашёл отражение в хорошо известном принципе детерминизма.

Соотношение двух этих принципов – детерминизма и неопределённости – представляет собой большую общенаучную проблему, и мы не станем акцентировать на ней своё внимание в настоящей статье. Для нас сейчас важно другое – психологические механизмы приспособления человека к жизни в условиях неопределённости. Живые организмы постоянно сталкиваются с неопределённостью, и так было всегда, с самого зарождения жизни. Следовательно, психика человека должна каким-то образом адаптироваться к неопределённости, в частности к принципиальной неизвестности будущего, к недостаточности информации или к её чрезмерному разнообразию в текущих ситуациях, к отсутствию точных представлений о собственных целях и интересах и т. д. Более того, в самой психике должны быть заложены какие-то механизмы такого приспособления (см. [3, с. 14]).

Каким же образом люди реагируют на неопределённость и одинаково ли они это делают? Более 60 лет тому назад Э. Френкель-Брунsvик впервые показала, что эти реакции различны у разных людей, и ввела в психологию понятие «интолерантность к неопределённости» (в оригинале «intolerance of ambiguity», что может переводиться также как «интолерантность к двусмысленности, неоднозначности»). Она трактовала этот психологический конструкт преимущественно как когнитивную переменную, характеризующую неспособность человека справляться со сложностью окружающего Мира, как «тенденцию прибегать к суждениям по типу *чёрное – белое*, делать поспешные выводы, часто в отрыве от реальности» [4, р. 115].

Изучением этого конструкта интересовались позднее многие другие исследователи (см., например, [5–8]), которыми предлагались также конкретные методы измерения толерантности (интолерантности) к когнитивной неоднозначности. Позже, однако, стало ясно, что нужно отдельно изучать и более общую

реакцию личности на онтологическую неопределённость Мира. В результате этого сегодня в психологии используются два термина: «толерантность к двусмысленности» («tolerance for ambiguity») и собственно «толерантность к неопределённости» («tolerance for uncertainty»). Различие между этими терминами достаточно тонкое. В основном оно сводится к тому, что первый чаще используется в когнитивных исследованиях и характеризует реакцию человека на ситуации выбора типа «или – или», а второй употребляется в более широком спектре исследований и относится к реакциям на неопределённость и неизвестность любого типа (см. более подробно об этом в [9]). В настоящей работе речь пойдёт о толерантности к неопределённости в узком смысле.

Несмотря на актуальность изучения феномена толерантности к когнитивной неопределённости, а также на наличие достаточного объёма работ (преимущественно зарубежных), посвящённых данному феномену, в существующих теоретических и эмпирических исследованиях отсутствует единое понимание его сущности, содержания и структуры, феноменологии и прочих характеристик.

Некоторые вопросы, напротив, изучены более или менее основательно. Достаточно давно было показано, например, что для индивидуумов с низким уровнем толерантности к когнитивной и общей неопределённости характерна выраженность «авторитарного синдрома» (см. [4, 8]). Есть целый ряд данных о том, что лица с высокой толерантностью к неопределённости реже проявляют признаки беспокойства, когда сталкиваются с неопределёнными ситуациями. И наоборот, люди с низкой толерантностью к неопределённости часто реагируют на соответствующие ситуации с беспокойством (см. [10–13]).

Различные исследователи подчёркивают в связи с этим также тот факт, что толерантность к когнитивной неопределённости может быть важным фактором в обучении, так как именно способность студента ориентироваться в недостаточно структурированных элементах учебного курса не только стимулирует развитие у него критического мышления, но и приучает его к сложности окружающего Мира [10]. Вместе с тем эти и другие результаты были получены при исследовании представителей западных культур, и остаётся неизвестным, насколько они характерны для других обществ и культур.

Сравнительные (кросс-культурные) исследования в данной области начались во многом благодаря Г. Хофстеде. Он использовал понятие «избегание неопределённости» (“avoidance of uncertainty”, “uncertainty avoidance”), которое тоже получило широкое распространение, особенно в социально-психологических и социологических исследованиях. В частности, он утверждал: «Неопределённость будущего есть основополагающий факт человеческой жизни, с которым мы пытаемся совладать с помощью технологий, законов и религии... Разные общества приспосабливаются к неопределённости различными способами», которые «связаны с культурными традициями обществ, передаются и усиливаются в них благодаря основным институтам, таким как семья, школа и государство» [14, p. 110–112]. Тем самым проблема преодоления и избегания неопределённости переводилась им из индивидуальной в социокультурную плоскость. В соответствии с его позицией, именно культура обуславливает ту или иную степень избегания неопределённости, характерную для большого числа людей, принадлежащих к ней.

Результаты его собственных исследований показали, что индекс избегания неопределённости (avoidance of uncertainty index) самый высокий в странах Латинской Америки, в Японии, немецкоязычных странах и в России, а самый низкий – в англоговорящих, скандинавских странах и китайской культуре. Хотя его данные по различным странам и культурам не могут считаться достаточно надёжными (прежде всего в связи с использованными им методическими приёмами) и не подтверждаются другими авторами, они обращают внимание на серьёзную научную проблему: действительно ли существуют кросс-культурные различия в восприятии неопределённости и в реагировании на неё?

Исследование феномена толерантности к неопределённости в различных культурах, в частности у представителей различных этнических групп, поднимает несколько важных и интересных научных и практических проблем. Это, например, проблемы межкультурной коммуникации в условиях неопределённости, проблема восприятия неопределённости и отношения к ней, проблема типичных способов преодоления неопределённости представителями разных этносов и культур. Отсюда, в свою очередь, возникает необходимость детального изучения этнокультурной составляющей толерантности к неопределённости в её взаимосвязи с личностными особенностями (например, с тревожностью, мотивацией и др.). Особую важность в данном контексте приобретает проблема соотношения особенностей толерантности к неопределённости у народов, проживающих длительное время на одной территории в условиях интенсивных межнациональных отношений и взаимодействий. Эта область исследований является недостаточно разработанной в психологии, хотя в данном направлении уже предпринимаются определённые шаги.

В соответствии с изложенным цель нашей работы заключается в том, чтобы изучить особенности толерантности к когнитивной неопределённости у представителей различных этнокультурных групп (в частности, у представителей русской и татарской национальности) и выяснить, как эти особенности связаны с некоторыми другими психологическими особенностями татар и русских (в частности, с выраженностью у них базовой тревожности (беспокойства), мотивации успеха, с психологическим чувством безопасности (с позитивным или негативным мировосприятием)).

Методика исследования

Для проведения исследования был сформирован комплекс методик. В него вошли: 1) Tolerance for Ambiguity Scale (TAS) – Шкала толерантности к неопределённости С. Баднера в переводе и адаптации Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, Т.Ю. Прокофьевой, О.А. Кравцовой [15]; 2) The Penn State Worry Questionnaire (PSWQ) – Опросник беспокойства Пенсильванского университета, переведённый на русский язык и адаптированный авторами настоящей статьи; 3) The World Assumption Scale (WAS) – Шкала принятия Мира личностью (чувства психологической безопасности) Р. Янов-Бульман в адаптации О.А. Кравцовой [15]; 4) Методика диагностики мотивации к успеху Т. Элерса [16].

Выбор этих методик был обусловлен следующими соображениями. Шкала С. Баднера довольно проста в работе и является наиболее часто используемой среди подобного рода методик. Она позволяет выделить три дополнительных

показателя: толерантность к новизне, толерантность к сложности, толерантность к неразрешимости проблемы. К тому же имеется её хорошо апробированный русскоязычный вариант. Ответы на 16 заданий методики даются по 7-балльной шкале. Более низкие значения суммарного балла соответствуют более высокой толерантности к неопределённости при нормативном значении около 58 баллов.

Пенсильванский опросник беспокойства/тревоги, напротив, не использовался ранее в отечественных исследованиях. Близкими к нему по содержанию являются хорошо известные тесты тревожности (например, тест Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина, тест Дж. Тейлора и др.). Выбор нами малоизвестного в России опросника обусловлен тем, что именно он чаще всего используется в аналогичных зарубежных исследованиях (см. [11, 13]). Это позволит нам сравнить свои результаты с данными других авторов, полученных на других этнокультурных группах. Методика содержит 16 заданий, по которым вычисляется только суммарный балл на основании 5-балльной шкалы ответов. Средние значения по шкале находятся в интервале от 40 до 59 баллов, более высокие значения соответствуют более высокому уровню беспокойства/тревоги.

Разработка русскоязычной версии данного опросника проходила в два этапа. На первом этапе был осуществлён перевод заданий на русский язык и проведено пилотажное исследование на студенческой выборке из 71 человека. По его итогам вычислялись показатели внутренней согласованности пунктов опросника, которые показали необходимость уточнения формулировок некоторых заданий. На втором этапе с помощью исправленного варианта опросника было проведено повторное пилотажное обследование на другой студенческой выборке из 52 человек. Эти же студенты с недельным интервалом опрашивались по тесту личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в русскоязычном варианте Ю.Л. Ханина. На базе полученных материалов были определены: а) новые показатели внутренней согласованности заданий теста, которые находятся в интервале от 0.326 до 0.734; б) показатель ретестовой надёжности, полученный путём деления пополам (0.883); в) показатель валидности теста по внешнему критерию (0.755). Во всех случаях использовался коэффициент линейной корреляции К. Пирсона.

Шкала принятия Мира личностью (в отечественной практике часто называется тестом базовых убеждений или тестом чувства психологической безопасности) Р. Янов-Бульман привлекательна для нас тем, что она позволяет измерить особенности общего восприятия Мира личностью, преобладание в этом восприятии позитивных или негативных тонов. Это даёт возможность проверить гипотезу о том, что негативное мировосприятие связано с низкой толерантностью к неопределённости и наоборот, а также выяснить, какова эта связь в разных этнокультурных группах. В оригинальном варианте тест состоит из 32 заданий, разделённых на 8 субшкал, на основе которых вычисляются три интегральных показателя: убеждение в доброте Мира и людей, убеждение в осмысленности и справедливости Мира, убеждение в самооценности. В данном исследовании мы опирались только на интегральные показатели. В тесте используется 6-балльная оценочная шкала, а итоговые показатели рассчитываются путём вычисления усреднённого значения на одно задание. Поэтому по каждому заданию, субшкале и интегральным шкалам нормативными считаются величины, равные 3.5 и выше. Более низкие значения указывают на негативное восприятие Мира.

Мотивация к успеху измерялась в исследовании в качестве дополнительного показателя. Дело в том, что в современной психологии имеются противоречивые данные о её выраженности в разных культурах. Стандартные методики (в том числе методика Т. Элерса) обычно показывают пониженные результаты для представителей восточных культур и повышенные – для представителей западных культур, в том числе в сфере учебной деятельности. Поэтому было бы важно сравнить показатели русских и татарских студентов, а также выяснить, как они связаны в каждой из указанных групп с другими изучавшимися параметрами. Максимальный балл (32) по однородной шкале свидетельствует о высокой мотивации успеха, а средние значения находятся в интервале от 11 до 16 баллов.

В опросе принимали участие студенты различных институтов Казанского федерального университета и других высших учебных заведений Казани в возрасте от 19 до 22 лет (всего 231 человек, из них 20 – представители других национальностей, которые не учитывались в данном исследовании). Выборка состояла из трёх приблизительно равных частей:

- 1) группа испытуемых русской национальности (72 человека);
- 2) группа испытуемых татарской национальности, преимущественно говорящих на татарском языке и имеющих сельское происхождение (73 человека);
- 3) группа испытуемых татарской национальности, преимущественно говорящих на русском языке и имеющих городское происхождение (66 человек).

Опросы во всех группах проводились на русском языке. Каждая из частей выборки была выровнена по половому признаку (однако все выборки примерно на 2/3 состоят из девушек) и по профилю получаемого образования (физико-техническое и социально-гуманитарное образование). Этническая принадлежность определялась на основе этнической идентификации каждого испытуемого, а разделение татарской выборки на две части было обусловлено предположением о возможности между ними определённых культурно-психологических различий. Оно осуществлялось на основе ответов студентов на анкетные вопросы о знании и использовании в повседневном общении татарского языка.

Результаты исследования

Описание полученных результатов мы начнём с представления данных, характеризующих общую выраженность изучавшихся психологических параметров по всей выборке и по отдельным этнокультурным и этноязыковым группам респондентов, выделенным в ней (см. табл. 1).

Из этих данных могут быть сделаны по меньшей мере четыре вывода. Во-первых, показатели толерантности к неопределённости и тревожности во всех выборках испытуемых находятся на среднем уровне (см. две первые строки табл. 1), причём по тревожности они ближе к нижней границе нормативных значений, а по шкале толерантности к неопределённости – к верхней. Это говорит о том, что у большинства студентов скорее низкая, чем высокая базовая тревожность и незначительное превышение интолерантности над толерантностью.

Во-вторых, как можно видеть из табл. 1 (см. последние четыре строки), индексы по всем трём интегральным шкалам теста принятия Мира и по шкале мотивации успеха во всех выборках несколько выше нормативных значений. Это означает, что в целом студенты независимо от их этнокультурной и этноязыковой

Табл. 1

Средние показатели выраженности психологических параметров в группах испытуемых

№	Психологические параметры	Значения параметров			
		Вся выборка	Русские	Татары 1	Татары 2
1.	Индекс толерантности к неопределённости (TAS)	60.85 (6.95)	61.51 (7.60)	60.23 (7.07)	60.96 (6.69)
2.	Индекс беспокойства и тревоги (PSWQ)	46.90 (10.62)	45.65 (10.87)	46.76 (10.87)	49.42 (10.20)
	Шкалы теста принятия Мира (WAS)				
3.	Убеждение в доброте Мира	3.89 (0.80)	3.82 (0.80)	3.81 (0.80)	4.04 (0.70)
4.	Убеждение в справедливости Мира	3.79 (0.57)	3.75 (0.55)	3.84 (0.61)	3.80 (0.57)
5.	Убеждение в самооценности	3.96 (0.59)	3.93 (0.57)	3.97 (0.68)	3.97 (0.51)
6.	Индекс мотивации успеха	17.63 (3.58)	17.33 (3.49)	17.32 (3.63)	18.38 (3.53)

Примечания: 1) «Татары 1» – студенты татарской национальности, не знающие или плохо знающие родной язык; «Татары 2» – студенты татарской национальности, знающие и постоянно использующие родной язык; 2) в скобках под средним арифметическим в каждой клетке таблицы приведено значение соответствующего среднего квадратичного отклонения (σ); 3) полужирным шрифтом выделены два показателя, между которыми имеется статистически достоверное различие.

принадлежности воспринимают окружающий Мир в позитивных тонах, оптимистичны и не считают, что от него исходит какая-то серьёзная для них угроза. Кроме того, у них имеется желание добиваться успехов. И то, и другое, безусловно, нужно считать типичной возрастной особенностью.

В-третьих, тревожность является единственным среди измерявшихся в исследовании параметров, по которому обнаружено статистически достоверное различие между двумя частями выборки студентов. В группе татар, хорошо знающих родной язык и преимущественно общающихся именно на нём, показатель тревожности выше, чем в двух других выделенных нами группах. Двухвыборочный t -тест с различными дисперсиями дал для них результат 2.15 при критическом значении для $P \leq 0.05$, равном 1.98, по сравнению с группой русских студентов. Это означает, что для данной группы студентов характерна более высокая тревожность, хотя и здесь она остаётся на среднем, нормативном уровне.

В-четвёртых, по всем параметрам и во всех группах испытуемых стандартное отклонение невелико. Самым большим (относительно среднего значения) оно является по тревожности, но и по ней не доходит до $\frac{1}{4}$ среднего арифметического. Такие размеры стандартного отклонения свидетельствуют об очень большой однородности выборок и всей выборки в целом по измерявшимся психологическим характеристикам. Например, по толерантности к неопределённости все индивидуальные результаты уместились в интервал между 40 и 81 баллами при размахе шкалы от 16 до 112 баллов. Основной причиной этого обычно является то, что испытуемые часто выбирают промежуточные варианты ответов на большинство заданий теста, избегая крайних вариантов. Это, в свою

очередь, часто бывает связано с затруднениями в понимании заданий или с затруднениями в понимании самого себя.

Таким образом, все три исследовавшиеся группы испытуемых не отличаются друг от друга ни по одной измерявшейся психологической характеристике за исключением уровня беспокойства/тревожности. Он несколько выше у студентов-татар, говорящих преимущественно на родном языке, хотя и у них находится в границах нормативных значений. Поскольку подавляющее большинство из них имеют сельское происхождение (81% по данным анкетного опроса), тогда как в двух других группах явно преобладают студенты городского происхождения (17% селян среди русских и 15% среди татар, говорящих преимущественно на русском языке), постольку у нас есть основания предположить, что такие данные могут быть следствием не только этнокультурных особенностей как таковых, но и специфики воспитания и социализации людей в раннем возрасте в сельской местности и в городской. Для проверки данного предположения необходимо дальнейшее исследование (в частности, сравнение однородных по происхождению и достаточных по размеру выборок студентов русской и татарской национальности, приехавших в город из сельской местности).

Итак, психологические различия между этнокультурными (этноязыковыми) группами невелики. Они значительно больше между студентами мужского и женского пола (эти данные не включены в табл. 1). По тому же двухвыборочному t -тесту с различными дисперсиями между ними обнаруживаются статистически значимые различия на уровне $P \leq 0.05$ по тревожности, мотивации успеха и по убеждению в доброте Мира. Все три показателя выше у девушек: 49.22 против 41.88 у юношей ($t_{\text{эмп}} = 5.24$ при $t_{\text{крит}} = 1.98$) по тревожности; 18.04 против 16.74 ($t_{\text{эмп}} = 2.62$ при $t_{\text{крит}} = 1.98$) по мотивации успеха; 4.00 против 3.65 ($t_{\text{эмп}} = 3.17$ при $t_{\text{крит}} = 1.98$) по убеждению в доброте Мира. Отсюда можно предположить, что половая принадлежность является более мощным фактором, влияющим на психологические особенности личности, нежели её этнокультурная идентификация.

Следующим шагом в исследовании стало определение статистических взаимосвязей между всеми измерявшимися параметрами как по всей выборке, так и по отдельным подвыборкам. Поскольку все эмпирические распределения в настоящем исследовании соответствуют нормальному, для измерения связей между параметрами использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Итоговые результаты приведены в табл. 2.

В первую очередь обращают на себя внимание данные таблицы, свидетельствующие о том, что ни во всей выборке в целом, ни в отдельных её частях не обнаруживаются статистически достоверные корреляционные связи между толерантностью к неопределённости и тревожностью. Этот результат следует признать неожиданным, потому что в зарубежных исследованиях при использовании этих же методик такая связь регулярно обнаруживается, что дало основание некоторым авторам трактовать интолерантность к неопределённости как один из наиболее фундаментальных источников тревожности [11]. В нашем исследовании мы, однако, не видим такой связи ни у русских, ни у татар. Объяснение её отсутствия предложить достаточно сложно, её наличие представляется гораздо более логичным. Действительно, с психологической точки зрения

Табл. 2

Коэффициенты корреляции между измерявшимися психологическими параметрами по всей выборке и по отдельным группам испытуемых

	Показатели	ИТН	ИТ	УДМ	УСМ	УС	
1.	Индекс тревожности (ИТ)	Все	0.064				
		Р	0.072				
		ТР	0.055				
		ТТ	0.138				
2.	Убеждение в доброте Мира (УДМ)	Все	0.101	-0.026			
		Р	0.070	-0.072			
		ТР	0.160	-0.004			
		ТТ	0.111	-0.025			
3.	Убеждение в справедливости Мира (УСМ)	Все	0.083	-0.003	0.177		
		Р	0.000	-0.011	0.056		
		ТР	0.099	0.012	0.165		
		ТТ	0.117	-0.050	0.431		
4.	Убеждение в самооценности (УС)	Все	0.072	-0.187	0.249	0.274	
		Р	0.050	-0.230	0.152	0.441	
		ТР	0.069	-0.057	0.445	0.353	
		ТТ	0.090	-0.352	0.317	0.030	
5.	Индекс мотивации успеха (ИМУ)	Все	-0.082	0.091	0.192	0.174	0.257
		Р	-0.244	-0.020	0.084	0.319	<i>0.257</i>
		ТР	-0.067	0.106	<i>0.248</i>	0.128	0.292
		ТТ	0.069	0.113	0.186	0.081	0.136

Примечания: 1) ИТН – индекс толерантности к неопределённости, ИТ – индекс тревожности, УДМ – убеждение в доброте Мира, УСМ – убеждение в справедливости Мира, УС – убеждение в самооценности, ИМУ – индекс мотивации успеха, Р – русские студенты, ТР – студенты-татары, говорящие преимущественно на русском языке, ТТ – студенты-татары, говорящие преимущественно на родном языке; 2) полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, статистически значимые на уровне $P \leq 0.01$, курсивом – на уровне $P \leq 0.05$.

выглядело бы более естественно, если бы с увеличением толерантности к неопределённости уровень тревожности снижался и наоборот.

Обратим внимание и на то, что показатель толерантности к неопределённости никак не связан и с интегральными шкалами теста принятия Мира. Это тоже наблюдается как по всей выборке, так и по отдельным этнокультурным и этноязыковым группам и тоже является неожиданностью. Было бы более понятно, если бы мы наблюдали иную картину, то есть если бы повышение интолерантности к неопределённости приводило к усилению негативного восприятия Мира и, наоборот, её понижение вело к усилению позитивного взгляда на Мир. Действительно, все люди независимо от того, толерантны они к неопределённости или интолерантны, сталкиваются с ней в своей жизни, но, если они интолерантны, это должно вызывать у них негативные психические состояния и насторожённость по отношению к Миру. Однако результаты исследования показывают, что такой связи нет ни в одной этнокультурной и этноязыковой группе.

Итак, достаточно взглянуть на первую слева числовую колонку табл. 2, чтобы понять: коэффициенты, безусловно, выглядят нелогичными и требуют тщательного анализа. Для этого мы планируем провести дополнительные исследования,

но предположение сформулируем уже сейчас. Вариантов объяснения, с нашей точки зрения, может быть два.

Во-первых, на полученных результатах мог сказаться отмеченный ранее слабый разброс индивидуальных индексов по шкале толерантности к неопределённости, плотная сгруппированность их вокруг среднего арифметического. В этом случае нужно искать чисто техническое решение возникшей проблемы.

Во-вторых, возможно, что толерантность/интолерантность к когнитивной неопределённости не во всех культурных группах занимает то положение среди других психологических характеристик личности, как в западных культурах. В этом случае нужно выяснять, какие психологические механизмы могут работать в других этнокультурных (этноязыковых) группах, в частности у русских и татар.

Рассмотрим в заключение те статистически значимые корреляционные связи, которые выявлены в исследовании. Как можно видеть, индекс тревожности (вторая слева числовая колонка табл. 2) имеет такие связи только с одним параметром: с индексом самооценности. По всей выборке, среди русских студентов и среди студентов-татар, постоянно говорящих на родном языке, с повышением уровня тревожности происходит снижение индекса самооценности. Иначе говоря, тревожные студенты независимо от этнокультурной (этноязыковой) принадлежности реже воспринимают самого себя как действительную ценность, как личность, достойную уважения. Это хорошо согласуется с давно известным фактом частого снижения самооценки у лиц с высоким уровнем тревожности.

Все остальные статистически значимые коэффициенты корреляции в табл. 2 относятся к двум последним методикам: к шкалам теста принятия Мира и шкале мотивации успеха. То, что такие связи имеются между субшкалами первого теста, не требует объяснений, как и то, что они обнаруживаются не во всех случаях. Именно по этой причине данная методика не предполагает вычисление суммарного индекса. Что касается связей между её субшкалами и шкалой мотивации успеха, то в данном случае мы видим следующее. По всей выборке мотивация повышается с ростом позитивного восприятия Мира, особенно с ростом убеждения личности в собственной ценности. По отдельным этнокультурным (этноязыковым) группам, однако, есть различия.

Если в группе русских студентов и студентов-татар, являющихся преимущественно русскоязычными, с некоторыми исключениями наблюдается схожий рисунок корреляционных связей, то в «чисто» татарской группе нет никаких статистически значимых связей. У этих студентов мотивация успеха никак не связана с принятием или непринятием Мира. В этой группе вообще выявлено наименьшее количество корреляционных связей между различными психологическими параметрами. К сожалению, она до сих пор изучена в психологическом плане крайне мало (обычно её не рассматривают отдельно), что затрудняет интерпретацию полученных результатов. Как бы то ни было, мы видим, что у неё есть определённые психологические особенности, отличающие её от двух других этнокультурных (этноязыковых) групп. Эти особенности нуждаются в более тщательном исследовании с помощью методик, переведённых на татарский язык и адаптированных к условиям национальной культуры.

Заключение

Основным итогом проведённого исследования стал несколько неожиданный результат, суть которого состоит в том, что во всех трёх изучавшихся выборках студентов и во всей совокупной выборке не обнаружено статистически значимых корреляционных связей между толерантностью к когнитивной неопределённости и базовой тревожностью. Неожиданность его состоит в том, что обычно такая связь выявляется в зарубежных исследованиях, проводящихся на базе других этнокультурных групп. Следует ли отсюда, что для различных российских групп характерно иное соотношение между указанными психологическими параметрами? Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Необходимость продолжения исследования обусловлена и двумя другими результатами: 1) отсутствием связей между толерантностью к когнитивной неопределённости и показателями, характеризующими степень принятия (непринятия) Мира личностью, как по всей выборке студентов в целом, так и по отдельным этнокультурным (этноязыковым) группам в её составе; 2) крайне малым количеством статистически значимых корреляционных связей между изучавшимися психологическими параметрами в группе студентов-татар, основным языком для которых является родной. Последнее обстоятельство заставляет нас повторить сформулированный чуть выше вопрос: возможно ли, что в каждой этнической группе (или по крайней мере в некоторых из них) в результате долгой и специфической культурной эволюции сложилось особое соотношение между различными психологическими параметрами? Разумеется, такая постановка вопроса является гораздо более широкой, и для ответа на него требуются совместные усилия многих специалистов, заинтересованных в расширении кросс-культурных психологических исследований.

Summary

B.S. Alishev, M.V. Gabdulhakova. Uncertainty Tolerance, Anxiety and the Sense of Psychological Security among Russian and Tatar Students.

The article presents and analyzes data on the degree of expressiveness of such psychological parameters as uncertainty tolerance, basic anxiety (worry) and the sense of psychological security (acceptance of the World) in ethnic and cultural groups of Russians and Tatars. Special attention is paid to the relationship between these parameters and motivation to succeed. In particular, no relationship between uncertainty tolerance, anxiety and the sense of psychological security was revealed in any of the ethnic and cultural groups of students. In addition, the level of anxiety in the group of Tatar students was found to be higher than in other groups.

Keywords: uncertainty, uncertainty tolerance/intolerance, anxiety, acceptance of the World (sense of psychological security), motivation to succeed, students, ethnic and cultural groups.

Литература

1. Пригожин И.Р. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: РХД, 2000. – 216 с.
2. Зинченко В.П. Толерантность к неопределённости: новшество или психологическая традиция? // Вопр. психологии. – 2007. – № 6. – С. 3–20.

3. *Алишев Б.С.* Психика и преодоление неопределённости // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2009. – Т. 6, № 3. – С. 3–26.
4. *Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // J. Personality. – 1949. – V. 18, No 1. – P. 108–143. – doi: 10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x
5. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // J. Personality. – 1962. – V. 30, No 1. – P. 29–50. – doi: 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x.
6. *Furnham A., Ribchester T.* Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // Current Psychol. – 1995. – V. 14, No 3. – P. 179–199. – doi: 1007BF02686907.
7. *Norton R.W.* Measurement of ambiguity tolerance // J. Pers. Assess. – 1975. – V. 39, No 6. – P. 607–619. – doi: 10.1207/s15327752jpa3906_11.
8. *Sidanius J.* Intolerance of ambiguity and socio-political ideology: A multidimensional analysis // Eur. J. Soc. Psychol. – 1978. – V. 8, No 2. – P. 215–235. – doi: 10.1002/ejsp.2420080207.
9. *Матушанская А.Г., Алишев Б.С.* Толерантность к неопределённости и смежные психологические конструкты когнитивной психологии // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 5. – С. 25–33.
10. *Уэйн К.* Образование и толерантность // Высшее образование в Европе. – 1997. – № 2. – С. 14–28.
11. *Dugas M.J., Gosselin P., Ladouceur R.* Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample // Cognitive Ther. Res. – 2001. – V. 25, No 5. – P. 551–558. – doi: 10.1023/A:1005553414688.
12. *Gao G., Gudykunst W.B.* Uncertainty, anxiety, and adaptation // Int. J. Intercultural Rel. – 1990. – V. 14, No 3. – P. 301–317.
13. *Ladouceur R., Talbot F., Dugas M.J.* Behavioral expressions of intolerance of uncertainty in worry // Behavior Modification. – 1997. – V. 21, No 33. – P. 355–371. – doi: 10.1177/01454455970213006.
14. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills, CA: Sage, 1980. – 327 p.
15. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У. Содатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Моск. гос. ун-т, 2003. – 112 с.
16. *Розанова В.А.* Психология управления. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000. – 384 с.

Поступила в редакцию
16.09.13

Алишев Булат Салямвич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com

Габдулхакова Миляуша Вакилевна – аспирант кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: MilyaVi1987@gmail.com